

РЕФОРМИЗМ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(о размышлениях Макса Вебера)

Русские революции, которыми отмечены первые десятилетия XX века, совпали с давно стоявшей перед страной необходимостью ускорения экономического развития и модернизации. Обреченность реформ «сверху» и несостоятельность либеральной буржуазии привели к быстрому выходу на историческую сцену социалистических партий, небывалому накалу революционной борьбы и к первой русской революции 1905–1907 годов

Осенью 1905 года, приступая к написанию очерков о русской революции, классик западной социально-философской мысли Макс Вебер выразил надежду, что подлинная история «этого знаменательного времени» еще будет когда-нибудь написана. Сам же он ограничился, по его словам, предварительными набросками социально-политического анализа. Однако его работа «К состоянию буржуазной демократии в России», посвященная непосредственно событиям 1905 года, глубоко проникает не только в социально-политическую, но и в философскую суть проблемы.

Макс Вебер относился с большой симпатией к той общей цели, которую ставили перед собой участники демократических преобразований в России, в частности, к «носителям русского освободительного движения», «независимо от того, какого они “направления” и к какому принадлежат “классу”» (1, с. 88). Понимая суть происходящего как демократическое обновление России, он был уверен, что страна «окончательно встала на путь европейского развития, каковы бы ни были в ближайшее время возможные тяжелые рецидивы...» (1, с. 87).

Философ отчетливо осознавал всю трудность задачи внутреннего преобразования империи. Вебер искренне верил, что, пройдя через это горнило, «Россия представит неизмеримо большую политическую и моральную силу».

Макс Вебер исходил из того, что главные движущие силы первой русской революции — развивающийся в России капитализм и необходимость модернизации, что идеи либерального реформизма в России к тому времени уже опоздали, тогда как марксизм набирал все большую силу. По его убеждению, в Европе «дух» капитализма вызвал к жизни не только соответствующий тип общества, но и определенный тип цивилизации. Россия же оставалась во многом традиционным обществом, в котором, правда, получили развитие ростки современной рациональной бюрократии, стремившейся к реформам.

Для Макса Вебера события 1905–1907 годов в первую очередь означали столкновение западной рационализации с традиционализмом, противоборство принципа политического индивидуализма и крестьянской общины, стремление начать конституционный процесс самоуправления снизу, встретившее на своем пути непреодолимую стену самодержавной бюрократии сверху. Идеологической основой статьи «К состоянию буржуазной демократии в России» являлся вопрос о столкновении западных индивидуалистических ценностей и развивавшегося в России капитализма.

Вебер был убежден, что «экономическое развитие» никак не гарантировало реализацию «индивидуалистических» жизненных ценностей: «...Шансы на “демократию” и “индивидуализм” были бы невелики, если бы мы полагались только на “закономерное” действие материальных интересов». Последние, по его мнению, явно вели российское общество в противоположном направлении (1, с. 85).

От решения «необъятной и основополагающей» аграрной проблемы зависело новое сближение разных слоев интеллигенции, считал Вебер, возлагая большие надежды в первую очередь на решение вопроса об органах самоуправления. Он справедливо полагал, что «для [русского] либерализма вопрос жизни — бороться с бюрократическим и якобинским централизмом, насаждать в массах старую индивидуалистическую идею «неотъемлемых прав человека»». В противном случае «массы станут послушными, и дворец нового рабства будет достроен» (имеется в виду не только Россия, но и Запад в целом — А.К.). Он указывал: «Было бы совершенно смехотворно надеяться, что нынешний зрелый капитализм (этот неизбежный итог хозяйственного развития), каким он импортирован в Россию и установился в Америке, как-то сочетается с «демократией», а тем более со «свободой»... Вопрос стоит совершенно иначе: каковы в этих условиях шансы на выживание «демократии», «свободы» в долгосрочной перспективе?» (1, с. 85)

Не ставя перед собой задачу детального анализа статьи Вебера, обратим внимание на некоторые узловые пункты социально-политических комментариев и попытаемся развить содержащиеся в них теоретические выводы.

Российская империя, 125-миллионное население которой на три четверти состояло из крестьян, оказалась перед дилеммой: сохранить крестьянскую общину или согласиться на ее расслоение на 100-миллионную армию самостоятельных индивидуальных собственников. Эта дилемма превращала аграрный вопрос в главный вопрос русской революции. В качестве носителей либеральных и демократических тенденций выступали уже существовавшие тогда органы самоуправления — институты земства. Наряду с городскими думами земское политическое движение, возникшее в 70–80-е годы XIX века, являлось одним из двух главных центров формирования либеральной оппозиции, важным фактором общественно-политической жизни страны. Именно земцы в 1902 году организовали за границей издание нелегального журнала «Освобождение» (П.Б. Струве), и уже в следующем году на основе земства сформировались первые либеральные политические организации, в частности «Союз освобождения», составивший впоследствии ядро партии кадетов.

В центре внимания Вебера — проект конституции, представленный «Союзом освобождения» и принятый на земском съезде в апреле 1905 года. Проект оказался всего лишь «экстрактом из совре-

Будущее конституционно-демократического движения и перспективы развития страны в западноевропейском духе зависели от позиции крестьянства. Оно по существу являлось главным объектом буржуазно-демократической пропаганды

менного международного конституционного права», несовместимым с реальностью, где господствовали церковь, община, связывавшая крестьян круговой порукой, и абсолютная власть самодержца.

Насколько эффективно могли противостоять этой мощной системе государственной бюрократии земство, либеральная и демократическая интеллигенция? В структуре земства, состоявшей из гласных земских собраний и членов земских управ, последние, по пренебрежительному выражению министра внутренних дел В.К. Плеве, представляла собой «третий элемент» (Вебер характеризует его как состоящий из радикальных земских служащих — 1, с. 72). В глазах представителей российского самодержавия земские чиновники-интеллигенты олицетворяли «узость интересов», «ограниченность», «утопические мечтания». Плеве стремился осуществить замену земской системы государственными чиновниками: в 1889 году закон о земских начальниках начал постепенный поворот от основ буржуазных к основам крепостническим.

На этом фоне главным вопросом, по которому столкнулись интересы земства и сановной бюрократии, был вопрос о сельской общине. Плеве проводил попечительскую политику в отношении общины и предлагал освободить ее от «индивидуально сильных» крестьян путем выделения их в хуторские хозяйства.

Его оппонент С.Ю. Витте, напротив, предлагал освободить крестьян от опеки общины и стимулировать частное землевладение, открывая дорогу для осуществления либерально-консервативной модернизации России. При этом самодержавие сохранялось и укреплялось путем расширения его социальной базы за счет появления мелких земельных собственников, приверженных царю, а также уравнивания крестьян в правах с другими сословиями. Все это впоследствии легло в основу столыпинской аграрной реформы.

В такой обстановке проект конституции, представленный земскому съезду Струве, остро ставил вопрос об избирательном праве. Проект отражал программу «Союза освобождения», а затем, после 17 октября, программу конституционных демократов (партию кадетов). Эта программа предполагала упразднить волостные суды и земских начальников, восстановив при этом урезанные ранее права «мировых судов». Вместе с тем партия кадетов стремилась сохранить монархию, объясняя это «реальной политической» необходимостью.

В том, что касается избирательного права, кадеты радикально выступили за «всеобщие равные прямые тайные выборы». Как отмечал Струве, любая другая избирательная система в России уже «опоздала». Поэтому кадеты отказались проводить цензовое избирательное право, которое означало бы произвол сельской общины, признававшей равное право голоса за каждым главой домохозяйства, считая это его «историческим» правом. К тому же предлагавшаяся избирательная система, как пишет Вебер, была бы естественной компенсацией земству, на протяжении четверти века постоянно дискредитировавшемуся правительством.

Граф Витте включил в Манифест 17 (30) октября пункт о том, чтобы в оставшееся до выборов в Думу время предоставить избирательное право всем тем, кто «до сих пор был его лишен». Борьба разгорелась лишь по тактическим вопросам: Витте хотел, чтобы вопрос о всеобщем, равном и тайном избирательном праве решала Государственная дума, расширенная за счет представителей рабочих, и обещал в этом свое содействие; напротив, делегаты земства настаивали на созыве Учредительного собрания на основе такого избирательного права (1, с. 82).

Ввиду демагогических действий старого режима, пишет Вебер, да и по моральным соображениям, русская социально-реформистская либеральная демократия могла требовать только безусловного всеобщего и равного избирательного права, но это был для нее путь самоотречения. Ее собственные идеи могли бы стать политически влиятельными лишь в условиях избирательной

системы, подобной земской (т.е. цензовой, мажоритарной).

Точно так же либералы были вынуждены выступать за аграрную реформу, в результате которой, как полагал Вебер, «возникнет экономическая практика и возобладают экономические отношения не в духе технико-экономического “прогрессивного” волюнтаристского социализма, но, в сущности, в духе архаического крестьянского коммунизма». Это должно было привести не к выживанию наиболее продуктивных в «деловом» смысле хозяйств, а к «этически» обусловленному равенству жизненных шансов для всех. В связи с этим неизбежно замедлилось бы развитие индивидуалистической культуры западноевропейского типа (1, с. 77).

Как ни парадоксально, союзником государственной бюрократии в России, по мнению Макса Вебера, выступил капитализм. Дело в том, что в условиях, когда капитализм начал развиваться, «любая защита избирательного ценза» означала для реформаторов только одно: они оставались офицерами без солдат — крестьянство, никогда не виновное в своих бедах царя, в случае «цензовой» Думы адресовало бы свои обвинения также к новоявленному парламенту. Словом, всеобщее избирательное право играло на руку самодержавной бюрократии.

Вебер пишет, что будущее конституционно-демократического движения и перспективы развития страны в западноевропейском духе зависели от позиции крестьянства. Оно по существу являлось главным объектом буржуазно-демократической пропаганды. П.Б. Струве рассчитывал на то, что крестьяне привыкнут к «правам человека» в духе английского индивидуализма. Он вновь и вновь подчеркивал, что «центральная проблема — это аграрная реформа».

Вебер задается вопросом: что сможет побудить массы, которым всеобщее избирательное право даст власть, поддержать демократические требования программы «Союза освобождения» (гарантии свободы индивида, конституционное правовое государство, социальные реформы по западноевропейскому образцу, аграрную реформу)? Здесь П.Б. Струве и составители проекта конституции полагались именно на экономические интересы крестьянства. Вебер пишет, что некоторые из вождей русской демократии считали, будто имелись «особо важные экономические причины, в силу которых массы, получив избирательное право, неизбежно будут следовать — политически и культурно — идеалам свободы».

Однако экономические интересы крестьянства как раз и отражали противоречие между решением аграрной программы в «индивидуалистическом» западноевропейском стиле и сохранением деревенской общины. А попытки увязать аграрную ре-

Экономические интересы крестьянства отражали противоречие между решением аграрной программы в «индивидуалистическом» западноевропейском стиле и сохранением деревенской общины

форму с сохранением общины Вебер считал «утопическими».

Не столько на экономические интересы крестьянства, сколько на воспитательную силу избирательного права полагалась та часть демократии, которую Вебер определяет как этически ориентированную. Он пишет, что во взглядах таких демократов стихийно выразилась «вера Соловьева в этически-религиозное своеобразие политической миссии русского духа» (1, с. 16). В данном случае веберовская интуиция четко уловила близость подобных настроений части общественного демократического сознания аграрному коммунизму сельских общин.

Таким образом, согласно Веберу, «живучесть поземельной общины» объяснялась «не только экономическими интересами классов», но и «глубоко укорененными в общественном сознании «естественно-правовыми» представлениями» (1, с. 63). В период написания веберовской статьи община представляла собой комбинацию товарищества и принудительного союза, а индивид, который не имел никаких повинностей в отношении помещика со времен отмены крепостного права, оставался, по крайней мере формально, «в кабале у общины», несмотря на отмену в 1904 году налоговой круговой поруки (1, с. 47).

В сознании крестьян сохранился своего рода «сельский коммунизм», согласно которому земля принадлежит совместно всей деревне; общине

должна быть передана помещичья земля, обещанная крестьянам «царем-освободителем». В десятилетия, предвалявшие события 1905 года, все яснее проявился «коммунистический характер крестьянского движения», коренившийся в самом «характере аграрного строя» (1, с. 65). Витте достаточно отчетливо выразил смысл политики самодержавия, которая заключалась в том, чтобы заменить этот «исторический» крестьянский коммунизм проектом «государственного обеспечения всех крестьян землей».

Демонстрируя широкую эрудицию в истории российского государства, Макс Вебер пишет: представление о том, «что земельная собственность подлежит суверенному распоряжению государственной власти, <...> было глубоко укоренено исторически еще в московском государстве, точно так

У русских либералов отсутствовал и «еще один, специфически “буржуазный” элемент давления» — поддержка со стороны крупного капитала

же, как и община». А «непризнание права на “приобретенное” и передача его общине были элементами правительственной программы графа Киселева при Николае I, и эта практика сохранилась вплоть до нашего столетия...» (1, с. 65). Начиная с 1890-х годов, крестьянский «мир» постепенно лишался социальных полномочий и превращался «в пассивный объект деятельности административного аппарата государства». Закон 1893 года фактически заново прикреплял крестьян к общине, запрещая залог наделных земель и затрудняя их продажу.

Пункт за пунктом Вебер разбирает аграрные программы партий «социалистической интеллигенции», главным образом в отношении поземельной общины. При этом он указывает на противоречивое сочетание двух состояний общественной мысли — «прагматического рационализма» и «свободной этической мысли».

Приверженность романтического радикализма эсеров к «государственному социализму» сближала их с авторитарно-реакционным лагерем. И наоборот, случаи аналогичной метаморфозы, по мнению Вебера, происходили с ярыми апологетами самодержавия: «убежденные, казалось бы, сторонники прагматического бюрократического рационализма в духе Плеве и Победоносцева превращаются в радикальных социалистов-революционеров» (1, с. 67).

Дело в том, что и госбюрократии, и социалистически-революционной интеллигенции был свойствен один образ мышления — «прагматический рационализм». Суть его Вебер определяет как «страстное стремление к “делу” в духе абсолютной социально-этической нормы». Подобное мышление

он считает характерным для социализма Лаврова и «социологии» Михайловского. Что же касается партии эсеров, «первым парадным смотром» которой явился съезд Всероссийского крестьянского союза в июле 1905 года в Москве, то, по ироничному замечанию Вебера, на нем высказывались суждения, «безусловно, интересные» как проявление «свободной этической мысли». Причем этот съезд рассматривал себя как форум тех, кто «живет своим трудом», и противопоставлял себя земству, «где господствуют собственники» (1, с. 69–70). Характерно, что уже на Втором Всероссийском крестьянском съезде 6–13 ноября в Москве разгорелись острые дебаты вокруг альтернативы: мирная агитация или восстание?

Решение в пользу восстания в известном смысле импонировало правительству, которое рассчитывало, что общество, напуганное анархией, в конце концов, как выразился Витте, «само запросит порядка». Это, к тому же, по мнению Вебера, освободило бы место для лозунга: «Обогащайтесь!».

Многие меры министерства внутренних дел действительно провоцировали массы. Вебер следующим образом описывает ситуацию: «власти отпускают вожжи и ждут, когда страх перед “красным” террором достигнет того уровня, при котором созреет время для террора “белого”»; подобная политика, по замыслу ее инициаторов, должна была привести к «дискредитации всех освободительных движений, в особенности буржуазно-конституционного, антицентралистского либерализма» (1, с. 82). Такое развитие событий было в ущерб конституционной земской демократии. Вебер констатировал, что из борьбы при этом исключались «политически настроенный идеализм (слева) и мечтающее о расширении земского самоуправления умеренное славнофильство (справа)...» (1, с. 81).

У русских либералов отсутствовал и «еще один, специфически “буржуазный” элемент давления» — поддержка со стороны крупного капитала. «Страх перед возмущением масс или мятежами в армии и ослабление авторитарного режима в результате поражения на востоке — пишет Вебер, — были бы недостаточны, если бы не сочетались с холодным и твердым давлением на автократию банков и биржи», если бы не угроза со стороны иностранного финансового капитала (1, с. 78).

Поддержать кредит и валюту России оказался способным только граф Витте, которого, видимо не случайно, социал-демократы назвали «агентом биржи». Именно Витте настаивал на превращении России в реальную финансовую державу (1, с. 78).

Итак, нельзя было сбрасывать со счетов влияние финансового капитала и начавшего развиваться капитализма. Однако различные группы «социал-ре-

волюционного» направления (слева от либералов) еще надеялись, что с помощью кустарного товарного промысла удастся помешать отделению производителя от средств производства, а с помощью права на землю — предотвратить отрыв промышленного рабочего от общины и от земли. И таким образом «избежать того, что произошло на Западе, — капитализма и “индивидуализма”» (1, с. 48).

Между тем социалистическая агитация получила широчайшее развитие (несмотря на раскол социал-демократии на ленинскую и плехановскую группы). Вебер, в частности, указывает на то, что ленинская группа требовала немедленной конфискации всех некрестьянских земель в пользу крестьян, проявляя «безусловно, враждебное отношение к сельской буржуазии». Представители крестьянства получили возможность участвовать в Совете рабочих депутатов в Петербурге, который приобретал все большее значение и которому, по мнению Вебера, предстояла все более активная роль в развитии дальнейших событий. В то же время он пишет, что с появлением социал-демократов в антиавторитарном движении «Союз освобождения» фактически утратил свое лицо.

Вебер опровергает догму научных «народников», согласно которой капитализм в России невозможен: «капитализм развивается у них за спиной, пока они сражаются с ветряными мельницами» (1, с. 59); капитализм проникает в Россию «со всеми сопутствующими ему экономическими и интеллектуальными процессами» (1, с. 49), и дальнейшее его развитие разрушит народническую романтику. Вебер провидчески заявляет, что место этой романтики, несомненно, займет марксизм (1, с. 85).

Вебер опровергает догму научных «народников», согласно которой капитализм в России невозможен: «капитализм развивается у них за спиной, пока они сражаются с ветряными мельницами»

Следует отдать должное объективности Макса Вебера, знавшего не понаслышке о сильных сторонах теоретического марксизма. Известно, что в свое время он оценил «данное Марксом материалистическое понимание истории, которое было первым шагом к познанию капитализма», как научное открытие. Вебер был согласен с утверждениями Маркса о том, что собственность и разделение труда составляют основу образования классов, но подход Вебера отличался от анализа Маркса по трем аспектам:

◆ класс как следствие взаимодействия производительных сил и производственных отношений у Маркса, и класс как идеальный тип (методологическое понятие) у Вебера;

◆ тенденция к образованию двух противостоящих классов — буржуазии и пролетариата у Маркса, и прогнозирование Вебером большого разнообразия классовых ситуаций;

◆ убежденность Маркса в том, что наличие классового сознания объединит рабочий класс, превратит его в революционную силу, и вера Вебера в то, что сильнее классового сознания окажутся национализм, религиозные убеждения и этнические привязанности, которые приведут к дроблению класса.

Вебер рассматривал подход Маркса в понятиях имманентной эволюционной силы, которая двигает общество вперед независимо от «сознания, воли и цели человека». У самого же Вебера иногда в качестве такой силы выступает рационализация, и капитализм предстает как процесс рационализации.

Если Маркс рассматривал развитие истории как результат творческих усилий человека, то Вебер сводит роль «субъективного фактора» к процессу познания. Вебер как кантианец полагает, что капиталистическая система представляет собой не реальность в себе (сущее), а реальность для нас (должное, мотивы и цели человека, ценности). Мы постигаем реальность не с помощью абстрактных категорий естествознания, а в понятиях культуры — построения человеком своего мира через достижения науки, техники и промышленности. Каждый новый период предусматривает создание нового мира техники, промышленности и сельского хозяйства и общества с новыми ценностями, институтами и культурой. Это и есть, по Веберу, расширение принципа рационализации.

Уверенность Вебера в победе марксизма в России можно связать еще и с тем его тезисом, что победа социализма усилит бюрократию. Развитие же капитализма в России, как видно из веберовской статьи, давало полный карт-бланш социалистической установке.

В чем же причины того, что судьбы России сложились именно таким образом? Макс Вебер воспроизводит свой излюбленный тезис о том, что «теперешняя “свобода” дала первые ростки при уникальном стечении обстоятельств и условий, и они никогда больше не повторятся». В частности, речь идет о своеобразии экономической структуры Западной Европы эпохи раннего капитализма; о покорении жизни наукой — «возвращении духа в себя»; об особом религиозном этосе, определившем «этическое своеобразие» и «культурные ценности современного человека». Нет и тени намека на то, что современное «позднекапиталистическое» развитие (на Западе) сможет сохранить эту своеобразную историческую атмосферу или создать ее заново. Теперешнее «рациональное оформление жизни» еще более усугуб-

В России чаша весов в дилемме между реформизмом и революцией склонялась в пользу революции

ляет ситуацию, ведет к уничтожению бесчисленных «ценностей»: происходит унификация стиля, универсальная стандартизация продукции в нынешних условиях «экономизированной» жизни. Наука же как таковая больше не способствует «универсальности личности» (1, с. 86-87).

В основе рассуждений Макса Вебера о первой русской революции лежат исследования капитализма и теория рационализации западноевропейской жизни. Как известно, Вебер пришел к выводу о параллельном существовании двух типов капитализма — традиционного и современного. Последний зародился именно благодаря рациональной индивидуалистической мотивации представителей Реформации. И в этом смысл веберовских рассуждений об индивидуалистической идее «неотъемлемых прав человека» и необходимости укоренения духа индивидуализма в России. Совсем не случайно он упоминает о том, что принцип «индивидуализма» претерпел ряд изменений в ходе развития капитализма в Западной Европе, а также о том, что Россия пропустила ряд стадий формирования этого принципа. Более того, он пишет, что в России «специфически буржуазный индивидуализм внутри самого класса “образованных и имущих” уже преодолен и не может завоевать мелкую буржуазию. Тем более — массы» (1, с. 32).

Согласно веберовской концепции, «политический индивидуализм» западноевропейской идеи «прав человека» (которую отстаивал, например, Струве) имеет разные корни. Одним из «идеальных» корней Вебер считает религиозные убеждения, не признающие человеческого авторитета». Другой корень, напротив, — «атеистическое обожествление человека» (1, с. 32).

На эту двойственность принципа индивидуализма впоследствии обратил внимание С.Н. Булгаков, размышляя о судьбах русской интеллигенции в своей «веховской» статье. Русский философ, следуя в русле веберовских идей, пришел к выводу, что в целом религиозный индивидуализм благотворно сказался на развитии западной цивилизации. «...Индивидуалистические мотивы Реформации рациональны как с точки зрения преследуемых целей, так и с точки зрения отстаиваемых ценностей», — читаем мы у Вебера в его «Протестантской этике...» (2, с. 214).

Таким образом, параллельно с религиозным индивидуализмом Реформации развивался и неоязыческий индивидуализм, источником которого стал гуманистический Ренессанс, возрождавший некоторые черты язычества. Более того, и Реформация, и гуманистический Ренессанс, по мнению С.Н. Булгакова, явились общими источниками западной цивилизации. Неоязыческий или гуманистический индивидуализм возвеличивал в эпоху «просветительства» XVII — начала XIX веков первоначального человека, способствовал развитию различных естественно-правовых теорий, атеизма, новейших учений о прогрессе, да и всего новейшего гуманизма и социализма.

Соответственно, один тип сознания и отношения к миру (гуманистический) ставит перед собой задачу внешнего спасения человечества во имя «человекобожества»; для другого типа сознания (религиозного) важно спасение внутреннее, «сознание личного долга и его исполнение».

В тесной увязке с указанными типами сознания Булгаков различает два типа революций в истории Запада, реабилитируя при этом тот из них, который был вдохновлен духом реформации. Он отмечает, что существовала «огромная духовная разница между пуританской английской революцией и атеистической французской, как между Кромвелем и Маратом или Робеспьером, между Рылеевым или вообще верующими из декабристов и позднейшими деятелями революции» (3).

Макс Вебер уверен, что при современной форме «просвещения» духовность и религиозные убеждения уже не могут широко прижиться. Складывается парадоксальная ситуация, при которой развитие капитализма разрушает оптимистическую веру «в гармонию индивидуальных интересов свободных личностей». Но именно религиозные убеждения и «вера в гармонию индивидуальных интересов свободных личностей», по мнению Вебера, стояли у истоков современного капитализма.

Для установления такого капитализма в России не было духовных сил. Поэтому в России чаша весов в дилемме между реформизмом и революцией скло-

нялась в пользу революции. Например, Александр Солженицын указывает на атеизм как на главную причину Февральской революции 1917 года: «не стигнула бы пропастью страна, сохранись крестьянство ее прежним патриархальным и богобоязненным» (4).

Вебер выделяет современный капитализм в особый тип общества, тщательно очищая его от признаков архаического, проникнутого спекулятивно-ростовщическим «духом», торгового, «авантюристического», ориентированного на войну капитализма. Современный капитализм проникнут предпринимательски-продуктивным «духом», это капитализм промышленный, высокопродуктивный, предполагающий совершенно новую форму организации труда. В основе его — рационально организованное предприятие.

Само зарождение такого капитализма в Западной Европе Вебер связывает с особым «духом» — этической, нравственно-религиозной мотивацией городского европейского сословия протестантской буржуазии. В этом смысле протестантизм с его этикой продуктивного труда, профессионального долга и частной инициативы оказался наиболее адекватным промышленному, высокопродуктивному капитализму. Этому социокультурному слою городского населения Западной Европы было свойственно особое этическое отношение к миру и труду. Вся его деятельность должна была стать рационализированной до такой степени, чтобы выражать угодное Богу стремление к совершенству. Такое этическое отношение к миру Вебер называет мирским аскетизмом.

Однако со временем мирской аскетизм стал уступать место господству «экономического рационализма», приобретавшего под влиянием некоторых учений черты крайнего бентамизма и утилитаризма. С этим тесно связано понятие «экономический человек». Вебер использует понятие «экономический человек» (*Homo oeconomicus*) как идеальный тип, преследуя тем самым чисто теоретические цели, нисколько не стремясь превратить это одностороннее понятие в догму.

Макс Вебер был первым из «философов культуры», который задался вопросом: «Что именно представляет собой капиталистическое общество не только по своей организации, но и по целям и мотивации, ради которых данная организация существует?» (2, 53). Он искал уникальный конституирующий дух и историческую специфику капитализма и нашел их в его исходной экономической мотивации и цели, в определенном типе человеческого поведения — в веберовском идеальном типе. Вебер рассматривает свой «идеальный тип» как парадигму формы жизни, как универсум рассуждений и языка современного

буржуазного общества. Четко представляя себе границы современного общества, нашедшие отражение в идеальном типе, Вебер устанавливает законы функционирования капитализма, образующие то, что он называет «объективными возможностями» данной системы. Вебер рассматривает капитализм прежде всего как форму господства. Но это господство не имеет ничего общего с традиционными формами власти, оно рационально. Экономическая рациональность требует и рационального господства, основанного на все более бюрократически организованном управлении. Прямым следствием и дополнением западной рационализации становится бюрократизация.

Само функционирование всей этой формально рациональной системы приводит к возникновению того, что Вебер называет субстанциональной иррациональностью. Человеческая индивидуальность становится орудием или инструментом, превращается в предмет коммерции, иными словами — отчуждается. Не случайно Макс Вебер считал утопией то, что русские крестьяне захотят устранения бюрократического аппарата самодержавия (впрочем, такой же утопией он считал и ее противоположность — просвещенный бюрократический режим при соблюдении прав личности). Это было невозможно в условиях долголетней демагогической политики авторитарного режима, с одной стороны, поощряющего капитализм, а с другой — сдерживавшего любое развитие буржуазной самостоятельности.

Бесперспективными Вебер считал и попытки либеральной интеллигенции осуществить конституционную и антицентралистскую реформу, одновременно указывая на набиравшие силы плехановскую и ленинскую группы. Исход русской революции он предвидел уже в конце ноября 1905 года, считая вполне вероятной победу бюрократии «в борьбе за власть (под маской конституционализма)». Так или иначе, он справедливо полагал, что эта победа не станет последним словом русской истории. ■

Примечания

1. Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Политическая наука / Россия: опыт революций и современность. II. М., 1998.
2. Вебер М. Протестантская этика и «дух» капитализма: Сборник статей: В 2 ч. / Пер. с нем. М.И. Левиной. М., 1972.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. В кн.: Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. М., 1997. С. 165.
4. Солженицын А. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 27.02.2007.